

**АЛЕКСАНДР
КОЛПАКИДИ**

ГЕРИЛЬЯ

**КРАСНЫЕ ПАРТИЗАНЫ
ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ**

**ЛИДЕРЫ, ИСТОРИЯ,
ИДЕОЛОГИЯ, ПРАКТИКА.**

Коллектив авторов

**Герилья. Красные партизаны
Латинской Америки**

«Алисторус»

2022

УДК 327 (1-87)
ББК 66.4(4/8)

Коллектив авторов

Герилья. Красные партизаны Латинской Америки / Коллектив авторов — «Алисторус», 2022

ISBN 978-5-00180-733-9

Трудно поверить, но ещё три десятилетия назад огромный континент — Латинская Америка — был объят кровопролитной войной между красными партизанами, коммунистами, с одной стороны, и наёмниками, «контрас», наркокартелями, ультраправыми и государственной армией, с другой. Партизаны захватывали армейские казармы, похищали американских послов, нападали на военных и вершили правосудие. На горных просторах Колумбии, Сальвадора, Перу, в глубинах амазонской сельвы они строили базы и создавали только им подчинённые анклавы. Эта книга рассказывает об этих храбрых людях. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 327 (1-87)
ББК 66.4(4/8)

ISBN 978-5-00180-733-9

© Коллектив авторов, 2022
© Алисторус, 2022

Содержание

Для чего нужна эта книга?	6
Хуан Росалес	11
Конец ознакомительного фрагмента.	27

**Герилья. Красные партизаны
Латинской Америки**
*Составители Александр
Колпакиди и Марат Нигматулин*

© Составители Колпакиди А., Нигматулин М. 2022

© ООО «Издательство Родина», 2022

* * *

Для чего нужна эта книга?

Некоторым обывателям трудно в это поверить, но ещё несколько десятилетий назад целый континент в Западном полушарии был охвачен непрекращающейся партизанской войной. У неё было много фронтов и названий, много форм и театров военных действий.

По большей части она затухла к середине-концу девяностых годов. Тем не менее, кое-где она продолжается и сейчас.

Как же могло получиться, что целый общественный процесс, огромная война, продлившаяся не одно десятилетие и охватившая целый континент, могла пройти мимо сначала советских, а затем российских читателей?

1

Российское интеллектуальное поле в чём-то напоминает сформировавший его пейзаж Русской равнины: это, конечно, не пустыня и не прерия, но весьма однообразное пространство, в котором, однако, легко потеряться. Это пространство хтоническое, а потому ему свойственно оборотничество: красивая лужайка может скрывать вязкую трясику, а ровное на первый взгляд поле может оказаться на деле практически непроходимым как из-за перепадов высоты, так и из-за наличия в нём самых неожиданных сюрпризов.

Что, однако, поражает в современных российских интеллектуальных и псевдоинтеллектуальных дискуссиях, так это их тотальная предсказуемость, почти протокольная точность в следовании определённым канонам.

Эти неписанные каноны были сформированы нашими интеллигентами в шестидесятые-семидесятые годы.

Этому предшествовало несколько важных событий.

Россия довольно поздно обзавелась своей собственной интеллектуальной традицией. Она сложилась у нас только к 1860-м годам.

Тем не менее, царская империя в николаевские и пореформенные времена породила два самых известных российских культурных феномена – русскую классическую литературу и русскую революционную интеллигенцию.

Последняя в итоге и сокрушила прогнившую к началу двадцатого века насквозь империю.

Сокрушив империю, интеллигенция погибла сама. И дело тут, разумеется, не в большевиках.

Просто где-то в районе 1904–1905 годов Российская империя вступает в период очень острых и масштабных изменений. За войной – революция, а за ней Столыпинщина, за ней – снова война и снова революция, потом уже Гражданская война, красный и белый террор, эмиграция, НЭП, разнообразные реформы, те самые знаменитые репрессии, снова Война, затем Холодная война и восстановление страны.

За это время старая интеллектуальная традиция поизносилась. Её носители гибли на царских каторгах и виселицах военно-полевых судов, в белогвардейском плену, в убогих комнатухах на окраинах Парижа и Монтевидео, на фронтах Великой Отечественной или холодных квартирах блокадного Ленинграда.

Как бы то ни было, старая русская интеллигенция вся истрепалась к началу Оттепели. Остались лишь отдельные её представители – типа Михаила Бахтина или Ирины Каховской.

На смену ей пришла интеллигенция сталинского и послесталинского периода. От старых интеллигентов они отличались своей рептильностью. Если их предшественники выковались в

тяжёлой борьбе против царизма, то эти «новые люди» изначально кормились за счёт милостивого советского государства.

Именно эти люди и сформировали в оттепельно-застойные времена нынешние каноны общественной дискуссии.

Каковы эти каноны?

О, они очень расплывчаты.

В любом случае, если речь идёт о коммунизме, то в диалогах неизбежно будут Сталин, ГУЛАГ, Солженицын, красный террор, коллективизация, большевизм и лично Ленин, Октябрьская революция, Учредительное собрание и его разгон, «Собачье сердце» и много что ещё. Будет Перестройка, застой, пустые полки и Хрущёв с кукурузиной.

Возможно, кто-то упомянет Нечаева или Пальмиро Тольятти.

Проблема этого канона совсем не в том, что его придерживаются у нас либералы.

Настоящая проблема в том, что коммунисты в России в целом не отклоняются от него, яростно при этом на словах отрицая всё, что говорят на эту тему их враги.

Вот и получается, что Советского Союза уже тридцать лет как нету, а у нас всё как в старые времена: Юрий Дудь снимает чудовищный с исторической и идейной точки зрения фильм про ГУЛАГ, а коммунисты тут же бросаются его разоблачать.

И при этом из нашего внимания ускользает простой факт: Сталина-то уже семьдесят лет как нету в живых, ГУЛАГ давно канул в историю, нет уже и Советского Союза.

Но все дискуссии на тему коммунизма и социализма в нашей стране неизбежно вращаются вокруг тех же тысячу раз разобранные тем: немецкий Генштаб, японский атташе, «Архипелаг ГУЛАГ», Сталин, «пили бы баварское»...

Важная проблема такого канона общественной дискуссии состоит в том, что он практически исключает восприятие чужого опыта. Это вообще очень внутренний канон: в нём почти нет места нероссийским и несоветским сюжетам.

Максимум, что тут может быть инородного, – Венгерское восстание 1956 года или Армия Крайова, «лесные братья» и прочие бандеровцы.

Такие интереснейшие и важнейшие темы, как неомарксизм, Франкфуртская школа, Антонио Грамши, Лукач, Май 1968-го, «новые левые», городская герилья в странах Первого мира, маоизм, национально-освободительные движения, партизанские организации (в том числе, конечно, и в Латинской Америке), «теология освобождения» и прочее, и прочее – в рамках того канона общественной дискуссии оказываются совершенно невостребованными.

Нет, не будем мы этих ваших Маркузе изучать. Давайте лучше в десятитысячный раз разберём, где ошибался Солженицын.

В то время, когда либеральные блогеры у нас в очередной раз срывают покровы со Сталина и рассказывают про дефицит потребительских товаров в СССР, – наши левые в своих кружках и сектах пытаются ответить на главный вопрос современности: Сталин или Троцкий?

Даже во вроде бы передовых левых организациях у нас (не важно, троцкистских или сталинистских) постоянно блокируются любые попытки изучить хоть какой-то опыт коммунистов после смерти Сталина.

Вот, собственно, первая причина, по которой у нас в стране даже интеллигентные вроде бы люди часто и знать не знают про многие важные вещи, к числу которых относится в том числе и латиноамериканская герилья.

2

Чем же так ценна последняя? И почему дискуссии на эту тему неизбежно блокируются у нас образованным сообществом?

Как ни странно, в этом повинен банальный обывательский расизм, так свойственный как советской, так и постсоветской интеллигенции.

Нам ещё с царских времён вдальблывали, что Россия – часть европейской цивилизации, а всё по-настоящему важное интересное происходит только в Европе.

Разумеется, кто-то вспомнит и про «Скифов», и много про что ещё, но российское культурное общество и в девятнадцатом, и в двадцатом веке оставалось европоцентричным. Именно поэтому наши интеллигенты считали нужным знать каждую мелочь, которая происходит в США или ФРГ, но воротили нос даже от крупных и значимых событий в других регионах планеты.

Не знаю, почему, но наши интеллигенты (особенно в восьмидесятые) свято уверовали, что они – белые люди.

Конечно, белый – не нация и даже не раса. Это место в расистской иерархии.

Англичане – изобретатели термина «белая раса» – изначально включали в её состав лишь себя и некоторые германские народы, вроде норвежцев, шведов, голландцев и датчан. А вот из всех немцев к белым относили лишь саксонцев.

Славян белыми никогда не считали.

Интеллигенты выучили, что они – часть Европы, белые либертарианцы. На самом деле они были лишь обслугой западного империализма в периферийной стране.

В семидесятые годы обсуждать Латинскую Америку или Африку в интеллигентских кругах было просто неприлично: мол, что может быть интересного у этих черномазых?

Тогда наши колбасные диссиденты не понимали, что для европейцев – они всего лишь «белые негры Европы», как назвал славян лидер Гаитянской революции Жан-Жак Дессалин.

Конечно, как по экономическим показателям, так по культурным отношениям наша страна имеет куда больше общего с Бразилией или Мексикой, чем со странами Западной Европы.

Кто-то из отечественных интеллектуалов, безусловно, догадывался об этом. Кто-то даже прямо знал.

Об этом писали такие великие (без преувеличения) деятели как Александр Тарасов и Олег Ясинский.

Только вот много ли людей знает их у нас? Многие ли их понимают?

3

Латинская Америка – бесконечно далёкая, но при этом парадоксально очень близкая – даёт нам отличную возможность посмотреть на себя со стороны, увидеть все те же типы коррумпированных чиновников, продажных проамериканских интеллигентишек, таинственных крестьян, великих героев национально-освободительной борьбы с иного ракурса.

Подобное тянется к подобному – вот и нам следует тянуться к латиноамериканцам.

В этой книге будет рассказано об одном из наиболее самобытных феноменов этого региона – о партизанской войне, герилье.

Скажем пару слово ней.

Герилья, конечно, включает в себя не только стратегические и тактические приёмы.

Она исторически была тесно связана и с хозяйственными особенностями стран региона, и с их географическим положением. Безусловно, всё это также вплеталось в сложный политический и культурный контекст.

Герилья – это приключения, а любое приключения – в первую очередь приключения духа.

Латиноамериканская герилья, как ни парадоксально, обогатила мировую культуру весьма значительно. Она подарила нам огромное множество героев, сильных в первую очередь духом,

готовых защищать слабого, с радостью идущих на верную смерть, не произнося при этом полных пафоса и самодовольства речей.

Она подарила нам героев безусловно полных мужества, но при этом лишённых того навязчивого мачизма, который сейчас стало модно называть «токсичной маскулинностью».

Латиноамериканская революционная традиция – самобытная, горячая, полная романтики и идеализма, восходящая скорее к Бланки, чем к Марксу – может дать нам гораздо больше, чем жестокие и пошлые ковбойские фильмы из Голливуда.

Кстати о ковбоях.

Весьма интересен тот факт, что в очень схожих условиях фронта, отсутствия центральной власти, большого числа индейского населения и ориентированной на добычу ресурсов экономике ангlosаксы создали убогий Дикий Запад, «культуру» салуна, борделя и треньканья на банджо, тогда как латиноамериканцы создали по-настоящему великую культуру, в которой нашлось место не только безыдейным перестрелкам каких-то бандюганов, но и героической борьбе за свободу отечества.

4

Пожалуй, самое главное, что может дать эта книга, – так это немного той романтической веры в торжество справедливости, какая обычно и толкает людей на великие свершения.

У нас в стране этой веры остро не хватает.

Россия – страна, населённая разочарованными, ограбленными и обманутыми людьми, которые в массе своей никому не верят, боясь быть обманутыми, и вставать под знамёна совсем не спешат, предпочитая заботиться о личном благе.

Во многом их испортила постсоветская реальность с её гайдарочубайсами.

Во многом это результат сознательной индоктринации наших людей идеями потребительства и себялюбия.

Во многом – закономерная эволюция позднесоветского мещанства.

В любом случае, постсоветский человек – это в некотором роде человек-саламандра (по Лифшицу). Он отвергает «традиции и штампы». Его суть – постмодернистское безумие, кривляние.

Отчасти это ещё одна причина, по которой Латинская Америка никогда не была особо любима нашей интеллигенцией.

Советский интеллигент, привыкший одновременно жрать за счёт государства, на досуге предаваться разврату, и при этом строить из себя «борца за свободу», зажимая в кармане фигу, – никак не мог понять латиноамериканских партизан, шедших под пули ради свободы отечества.

Латинская Америка своей нравственной чистотой оскорбляла его нечистую совесть.

Поэтому наш интеллигентшишка старался её не замечать.

Это же передалось и нынешним российским хипстерам.

В Колумбии, к примеру, были крупные городские восстания (не массовые беспорядки, а именно настоящие восстания) и в 2016-м, и в 2020-м, и в 2021-м годах.

Было перемирие с партизанами, а потом новый виток борьбы.

При этом наши интеллигенты обсуждали не реки крови в Колумбии, не городские бои и даже не мэра Боготы – открытую лесбиянку – отдавшую приказ стрелять по протестующим не резиновыми, а боевыми пулями.

Нет! Они обсуждали какую-то мелочь в Шарлотсвилле и выборы в США!

Конечно, у нас в старые времена тоже была эта великая традиция собственного народного – не привнесённого из кабинетов ООН и Валютного фонда – глубинного гуманизма. Её отлично выразили Михаил Шолохов, Вячеслав Шишков, Илья Эренбург, Всеволод Кочетов...

У нас тоже были традиции радикальной борьбы: борьбы народников, народовольцев, эсеров и большевиков, молодогвардейцев и партизан во время немецкой оккупации.

К сожалению, многое из этого оказалось забыто. Вот теперь и настало самое время вспомнить.

А эта книга – вам в помощь.

Марат Нигматулин

Хуан Росалес

Христиане и марксисты в Латинской Америке

1

В старых подшивках обнаружил выпуски ежегодного альманаха «Атеистические чтения». И пусть название не сбивает с толку, атеизма к девяностым в альманахе уже было мало, скорее он был посвящен вопросам истории религий. Уровень подачи материала в «Атеистических чтениях» был с одной стороны высок, а с другой – оставался доступным для не специалистов. В этом плане он напоминал журнал «Химия и жизнь». В № 20 за 1990 год были опубликованы несколько статей посвященных теологии освобождения. Ну а так, как на эту тему пишут у нас мало, а актуальность ее только растет, то решил оцифровать и выложить несколько статей из этого номера, чтоб получился мини цикл ликбеза по теологии освобождения. Первая статья называется «Христиане и марксисты в Латинской Америке», автор Хуан Росалес. Статья была написана специально для альманаха и можно сказать публикуется впервые.

Хуан Росалес – видный аргентинский ученый-коммунист, исследующий историю и современное состояние религии на Латиноамериканском континенте. В 90-х годах он был заместителем главного редактора журнала «Нуэва эра» – основного печатного органа Компартии Аргентины, руководил специальной группой по изучению проблем религии в университете марксизма-ленинизма при ЦК Компартии Аргентины и был автором ряда книг и статей посвященных вопросам религии. Особое внимание в своих работах Хуан Росалес уделял теме диалога марксистов и христиан. Наиболее известные его работы по этой тематике: «Христиане, марксисты и революция (Революция христианская или революция марксистская в Латинской Америке?)» (1970 г.) и «Христос и/или Маркс? Религия и революция» (1984 г.).

Сложная и противоречивая действительность Латинской Америки породила изменения религиозной практики христианских масс и их организаций на континенте. В этой обстановке по-новому обозначаются и задачи компартий по вовлечению трудящихся, в большинстве своем верующих, в процессе революционных преобразований.

Проблема освобождения, занимающая центральное место в программах коммунистов и других левых сил, стала предметом размышлений и объектом деятельности христиан в Латинской Америке. Освобождения от экономической зависимости политического диктата империализма, от зависимости, деформирующей человеческую личность в сфере культуры, но также, по признанию многих священнослужителей и деятелей светских организаций, освобождения церкви и теологии от навязываемого им конформистского понимания роли христианской религии, чуждого интересам верующих на континенте, которые поднимаются на борьбу за свои права и социальный прогресс.

Христиане и марксисты, участвующие в борьбе рабочего класса и широких народных масс, не могут не действовать сообща. Сама жизнь показывает христианам, что не марксизм и не коммунисты, в течение целого века предававшиеся анафеме, а репрессивные режимы, кичащиеся своей приверженностью религии, являются теми, кто отвергает христианские ценности и преследует людей за их веру.

Бразильский Доминиканец Фрей Бетто (отец Бетто) пишет, что «одним из заблуждений нашего века является утверждение о том, что якобы раньше не имелось возможности для диалога и достижения единства христиан-революционеров и марксистов. Я думаю, что в этом

выразилась победа буржуазии, которая смогла разобщить нас. Манипулируя своей приверженностью вере в бога, она изображала марксизм в карикатурном виде»¹.

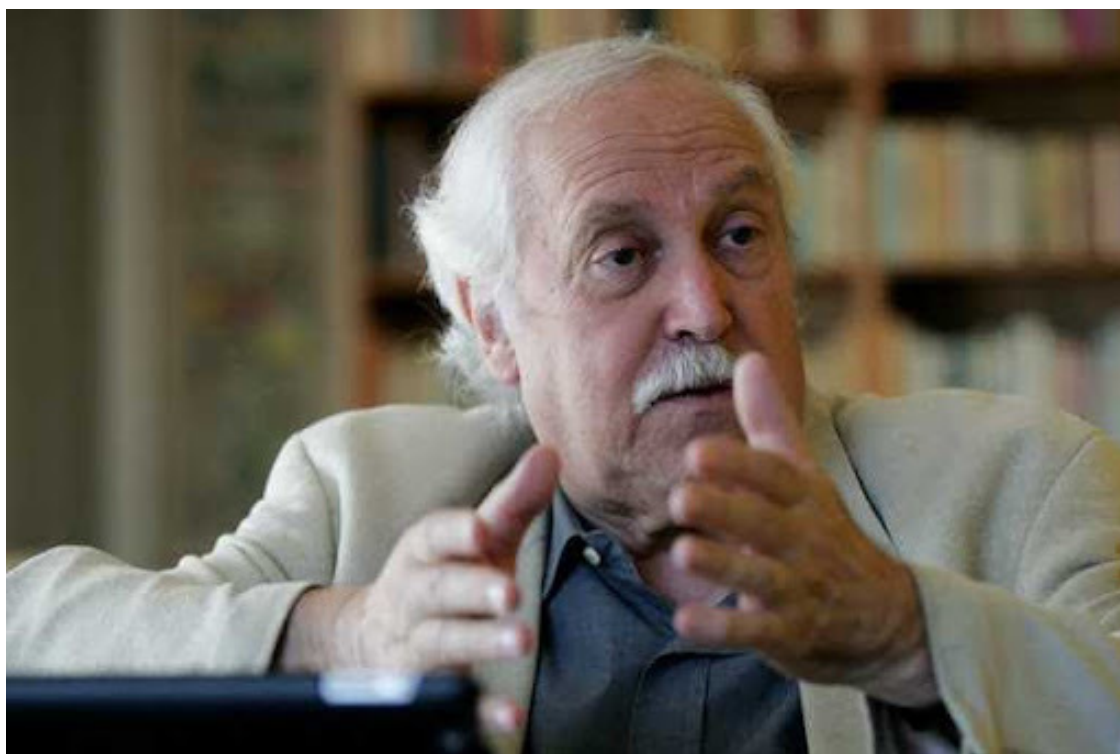

Фрей Бетто (порт. Frei Betto, настоящее имя Карлуш Алберту Либаниу Христу) – бразильский писатель, левый политический деятель, теолог освобождения Доминиканского ордена. Во время диктатуры в Бразилии участвовал в движении сопротивления, поддерживал Действие за национальное освобождение, был арестован и четыре года провел в тюрьме (где подвергался пыткам) за помощь скрывающимся от полицейских репрессий людям. В 1980-х посещал Кубу, где долго общался с Фиделем Кастро (результатом стала книга «Фидель и религия», способствовавшая улучшению отношений кубинского правительства и католической церкви). Участвовал в альтерглобалистском движении, сотрудничал с левоцентристским правительством президента Лулы да Силвы. 26 января 2006 г., вместе с Габриэлем Гарсиа Маркесом, Эдуардо Галеано, Пабло Миланесом, Эрнесто Сабато и другими известными деятелями культуры, Фрей Бетто выступил с требованием о предоставлении независимости Пуэрто-Рико. В 2013 году награждён. ЮНЕСКО Международной премией им. Хосе Марти.

Однако как оценить ту конкретную солидарность («Братством несчастных» назвал ее перуанский писатель Хосе Мария Аргедас) между верующими и неверующими трудящимися?

«И почему, – как говорил Ф. Кастро в Чили в 1971 г., – марксист и христианин не могут думать одинаково, если речь идет об эксплуатации человека человеком, которая в равной степени является антимарксистской и антихристианской?».

¹ El Segundo Encuentro de Intelectuales de America Latina y el Caribe. La Habana, diciembre 1985.

Луис Майра (Luis Osvaldo Maira Aguirre)

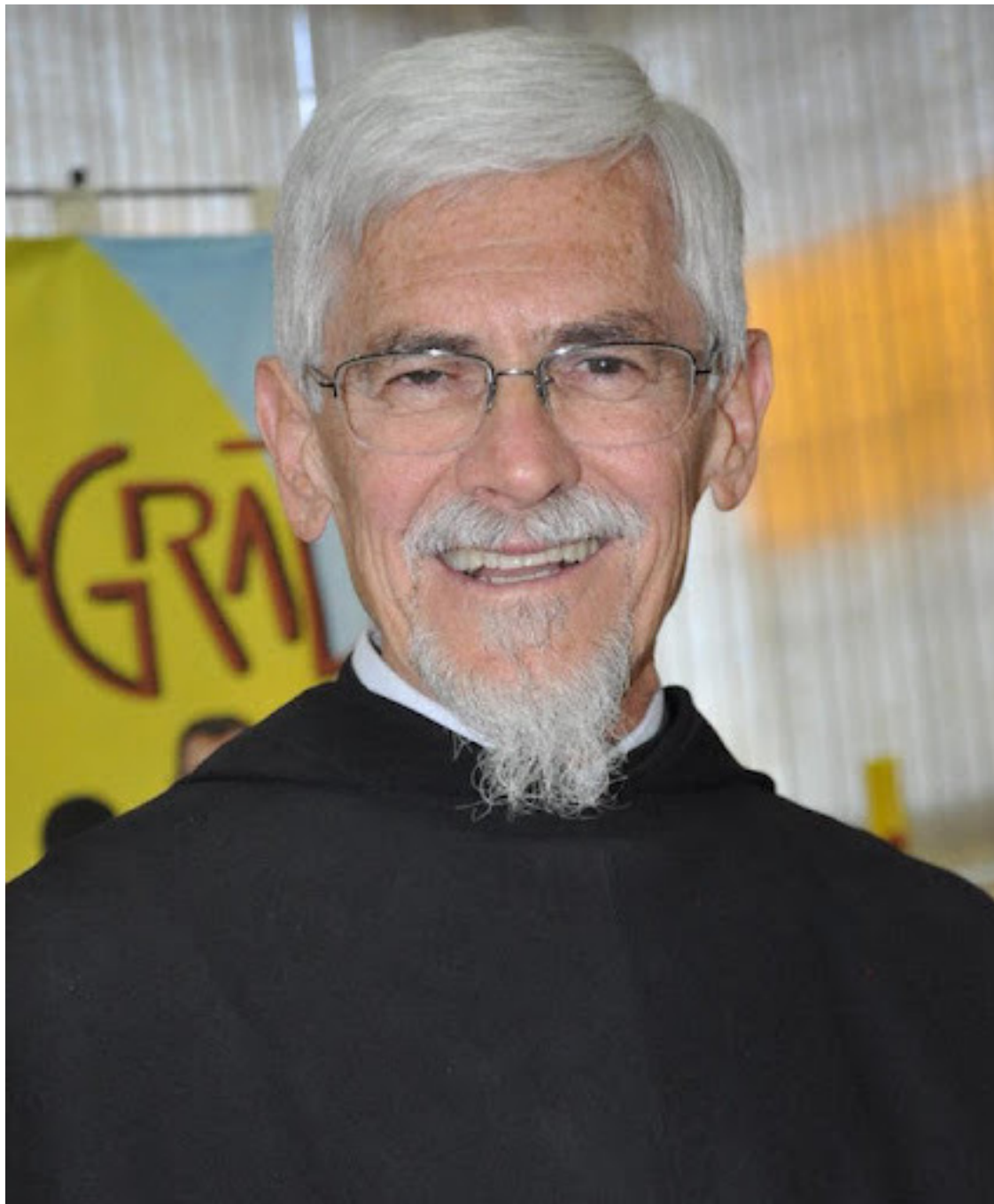
В борьбе против общего врага рассеиваются предрассудки и укрепляется единство мнений. Этот путь не свободен от непонимания и сектантства. Он далеко еще не завершен, мы находимся в самом его начале. По словам руководителя левых христиан Чили Луиса Майры, до 1968 г. проблема союза между революционно настроенными христианами и марксистами «не видна была еще и в перспективе. Эта проблема интуитивно чувствовалась в некоторых высказываниях Че, упоминалась в документах ряда прогрессивных теологов, но она не была еще предметом массовых политических дискуссий, как это имело место начиная с 70-х годов»².

Я думаю, что, по крайней мере с точки зрения коммунистов, которые первыми отвергли буржуазный и мелкобуржуазный антиклерикализм и "протянули руку христианам", совместно приобретаемый опыт имел огромное значение. В Латинской Америке это проявилось, например, в совместной борьбе за мир, солидарность с Вьетнамом и с Кубой, в многочисленных антиимпериалистических и антидиктаторских выступлениях 60-х гг. Правда, то были лишь начальные шаги, не всегда смелые и последовательные, и наша собственная политика «протянутой руки» едва выходила за рамки теоретических рассуждений. Но именно в те годы начинает давать плоды совместная деятельность христиан и коммунистов, которые начинают вместе идти по пути, ведущему к освобождению. Отец Хавьер Наварро отмечал, что это «было неожиданностью как для нас, так и для них, опытом совместной учебы: марксисты были удивлены, что в освободительной борьбе встретились с христианами, они высоко оценивали наше умение говорить на языке, который народ понимал и считал своим, и мы восхищались их способностью к самопожертвованию, их революционной цельностью, их марксистской наукой, которая позволяла верно оценивать происходившие события».

Конечно, существовали и продолжают существовать до сих пор взаимная подозрительность и недоверие, но борьба сблизил нас. Именно благодаря нашей общей борьбе, возглавляемой рабочим классом и имеющей целью освобождение народа, немало священнослужителей и светских деятелей восприняли революционную идеологию, поскольку для христианина не

² Iglesia y Estado en America Latina. Mex., 1979. P. 71.

существует каких-либо исключительно "христианских" политических проблем. Христианская критика моральных устоев и духовного состояния общества имеет ценность лишь как часть общего протеста масс против социальной несправедливости. Как отмечал еще В. И. Ленин, «выступление политического протеста под религиозной оболочкой есть явление, свойственное всем народам на известной стадии их развития»³.

Клодовис Бофф, бразильский священник; идеолог теологии освобождения.

Но этот протест не объясняет причин существования социального зла, не указывает путей его преодоления. Чтобы получить ответы на эти вопросы, необходимо обратиться к революци-

³ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 4. С. 228.

онному опыту и помощи науки, что поможет вскрыть объективные причины несправедливости и укажет практический путь для ее уничтожения.

Этот процесс сближения христиан с позициями революционного пролетариата начал приобретать массовый характер. Бразильский теолог отец Клодовис Бофф считает, что «с позиций христианских низовых общин и подобных им групп изменение общества возможно лишь на основе его глубокого изучения и понимания. И в этом смысле марксистский теоретический инструментарий может использоваться со всей ответственностью и свободой как в теоретическом, так и политическом плане»⁴.

Большинство религиозных деятелей принимают марксизм как теоретический метод анализа и как практическую деятельность, отвергая философский материализм, хотя у других, таких, как Фрей Бетто, отношение к марксизму более сложное.

«Марксизм-ленинизм не является новой формой религии, – говорит он. – С точки зрения исторического опыта у меня нет предвзятого отношения к нему, он не противоречит моей вере. Я считаю, что надо десакрализировать политику и деидеологизировать религию»⁵.

«Со строго политической точки зрения, – отмечал Ф. Кастро, – мне даже кажется, что можно быть марксистом, не переставая быть христианином, и работать вместе с марксистами-коммунистами для преобразования мира»⁶.

С точки зрения ватиканского Святого престола и не столь святых государственных институтов империализма, радикализация христиан – это часть дьявольских планов «международного коммунизма».

⁴ Consilium, diciembre 1981.

⁵ Granma. La Habana, 8. XII 1985.

⁶ Fidel y la religion. La Habana, 1985. P. 333.

Бенедикт XVI (в миру Йозеф Алоиз Ратцингер,) – епископ Римско-католической церкви, 265-й Папа Римский (с 19 апреля 2005 года по 28 февраля 2013 года). 25 ноября 1981 года возглавил Конгрегацию доктрины веры (она же – Святая инквизиция).

По мнению кардинала Ратцингера, теология освобождения – это «одна из ересей современного времени». Верующие, которые ее исповедуют, являются для реакционных кругов подлинными «носителями бациллы марксизма» или «скрытыми марксистами, которых надо искоренять идеологическими и всеми другими методами».

Реакция не способна постичь диалектику истории. То, что дает жизнь теологии освобождения, так же как и другим движениям, которые пытаются решить проблемы зависимости и вскрыть причины отсталости, – это глубокие социально-политические изменения, происходящие в современную эпоху. Идеи создания нового общества распространяются среди верующих

прежде всего благодаря борьбе трудящихся, которая всколыхнула все слои общества, подтолкнув их к определению своих позиций.

Гватемальский писатель Луис Кардоса-и-Арагон писал: «Самым значительным культурным событием в истории моей родины явилось пробуждение самосознания у подавляющего большинства индейского населения, после полувека пребывания в дантовском аду. Это событие не имело никакого отношения к серпу и молоту; оно было связано с крестом и евангелием. Наш народ в основной своей массе – католики. Когда в хижине верующего находили Библию, крестьянина убивали»⁷.

Среди индейцев и сельских пеонов, в низовых христианских общинах «фавел» и «вильяс-де-мисерия»⁸ коллективное чтение отрывков из Библии рассматривалось как подрывная акция, потому что само это чтение в условиях, когда народ страдает и борется, вместо того чтобы вызвать чувство смирения, возбуждает протест против несправедливости, является призывом к сопротивлению угнетателям.

В Священном писании говорится о преследованиях, которым подвергался тот, кто изгнал из храма торгующих, утолил не только физические голод и жажду страждущих, разделив хлеб и рыбу, но и голод и жажду справедливости, указав на царство небесное – царство справедливости и братства, которое наступит в будущем. Именно так воспринималось угнетенными народными массами Священное писание, в отличие от тех, кто благодаря ему хотел бы увековечить свои привилегии и даже распространить их на загробную жизнь. Священное писание учило: то, что сближает людей и помогает им жить, – это не их верования и молитвы, а конкретная любовь к ближнему.

Появление и усиление влияния теологии освобождения на массы лишает правящие классы возможности использовать религию в качестве инструмента своего господства и, возможно, главного идеологического оружия, поскольку эта теология узаконивает с позиций истинной веры борьбу за освобождение как основную задачу всех угнетенных – верующих и неверующих.

Опыт совместной борьбы способствовал тому, что уже достаточно широкие религиозные круги, которые ранее были подвержены влиянию идеологии антикоммунизма и антисоветизма, начали понимать свое истинное предназначение.

⁷ Casa de las Americas. La Habana, 1985. N 151. P. 36.

⁸ Так называют кварталы трущоб в Аргентине.

Граффити в Венесуэле на котором Иисус изображен с автоматом

«Я приехал в Никарагуа из Испании. Со страстью я начал свою работу священника и вскоре открыл, что голод и жажда справедливостей угнетенного и презируемого народа, которому я служил как церковник, требуют большего, чем словесные заверения в соучастии. Я видел воочию раны народа, беспримерную эксплуатацию крестьян, задавленных сапогом помещика, преследуемых национальной гвардией – инструментом несправедливостей и репрессий. Я видел, как немногие бесстыдно обогащаются под сенью сомосистской диктатуры. Я был свидетелем подлых дел, безобразий, обмана, воровства, творившихся членами семьи Сомосы, находящейся у власти».

Гаспар Гарсия Лавиана – испанский священник, прибывший в качестве миссионера в Никарагуа в 1967 году. Вступил в ряды бойцов СФНО.

Теология освобождения и провозглашенные ею идеалы нашли наиболее полное воплощение в «церкви бедных», или «народной церкви». Речь идет о процессе, происходящем внутри самой церкви, о более глубоком единении паствы со священнослужителями, все более проникающими ее чаяниями и нуждами. И этот процесс, конечно, не случайно разворачивается прежде всего там, где с особой силой звучит протест обездоленных и угнетенных, среди которых широкие массы верующих, и усиливается освободительное антиимпериалистическое движение, как это происходит сейчас в Центральной Америке.

Незадолго до конференции Латиноамериканского епископального совета в Пуэбле в 1979 г. бразильский кардинал А. Лоршейдер, бывший в то время президентом СЕЛАМ, признавал, что в настоящее время в католицизме «идея церковной общины, братской любви неотделима от идеи борьбы, классовой борьбы. Следует со всей искренностью признать, что сейчас в Латинской Америке эта проблема является основной».

Участвуя в различных по форме выступлениях против тирании, за социальную справедливость, христиане перестают быть простыми участниками религиозных обрядов, а занимают все более активную и критическую позицию. Это не могло не вызвать тревоги в некоторых

церковных кругах. В Пуэбле епископы высказались в поддержку народной религиозности, но развивающейся в жестких рамках.

Наиболее значительным явлением последних лет стали низовые христианские общины (НХО). Они начали создаваться четверть века назад преимущественно в бедных кварталах, ввиду нехватки священников и необходимости заполнить тот вакуум, который образовался в результате кризиса, охватившего традиционные приходы. Они получили распространение также среди индейцев, студентов и других слоев общества. Если в Медельине НХО не были предметом, достойным обсуждения, то в Пуэбле все было по-другому, поскольку они уже представляли собой широкое движение, с которым, с одной стороны, бедные связывали надежду на «новую евангелизацию» и которое, с другой стороны, вызывало озабоченность папы Иоанна Павла II, назвавшего их «идеологической заразой»⁹.

Святой Иоанн Павел II – папа римский, предстоятель Римско-католической церкви с 16 октября 1978 по 2 апреля 2005 года, драматург, поэт, педагог. Беатифицирован 1 мая 2011 года папой римским Бенедиктом XVI.

Объединяя семьи католиков, посещающих богослужения, как правило, какого-то одного священника, эти общины превратились (особенно в последние годы) в общественные организации, нередко взаимодействующие с другими группами христиан внутри различных массовых движений (в защиту прав человека, профсоюзных и др.). В Бразилии их насчитывается около 100 тысяч и объединяют они примерно 3 миллиона человек; тысячи НХО существуют в Центральной Америке, в Чили, Перу, почти во всех латиноамериканских странах. В Аргентине в ряде епархий они получили столь быстрое распространение, что высшая церковная иерархия, которая в течение ряда лет препятствовала или затрудняла процесс их создания, почувствовала необходимость взять руководство НХО в свои руки. Таким образом, она стремится осуществлять контроль над их ориентацией, всячески препятствуя развитию прогрессивных политических тенденций.

⁹ L'Osservatore romano, 10. VIII 1980

Правда, НХО не однородны. Над многими из них продолжают довлеть предрассудки в отношении левых партий и профсоюзов, что делает их развитие медленным и трудным. Однако этот процесс происходит по нарастающей. Серхил Карденас, исполнительный секретарь Координационного совета низовых христианских общин Чили, так объясняет то, что происходит с верующими, которые работают в массах: «Народ, сталкиваясь с человеческими страданиями и болью, начинает остро чувствовать свою сопричастность, и это приводит к тому, что христианские низовые общины все больше склоняются к выбору в пользу освободительной церкви»¹⁰.

В среде участников НХО были в прошлом и появляются в настоящее время герои и мученики борьбы за демократию и свободу. Многие готовы целиком отдать себя революционной борьбе.

Появление теологии освобождения, НХО и других новых форм организации христиан не только означает возвращение в известной мере к некоторым прогрессивным традициям прошлого христианского движения, но и является средством, открывающим путь включения огромных масс верующих в борьбу за освобождение и социальный прогресс. Никарагуа представляет собой характерный пример в этом отношении. В отличие от церкви на Кубе, которая была главным образом церковью для богатых (хотя в кубинской революции участвовали и христиане), никарагуанская церковь не была целиком отделена от народа. Но, как и в других странах, здесь господствовало традиционалистское направление, возглавляемое церковными иерархами, которые, за редким исключением, выступали союзниками консервативных кругов, одобряли господство американского империализма. Одержимая ярим антикоммунизмом, церковь поддерживала Сомосу, помогая ему в идеологическом и духовном закабалении трудящихся.

¹⁰ Action. Buenos Aires, junio 1987

Анастасио Сомоса Гарсия (исп. Anastasio Somoza García) – никарагуанский государственный и политический деятель, Либеральной партии Никарагуа, известный организацией убийства товарища по партии Сандино; официально был 34-м и 38-м президентом Никарагуа, но фактически был диктатором с 1936 года до своей смерти.

Однако внутри католического движения, особенно после возникновения сандинистского фронта национального освобождения (СФНО) в 1961 г., происходили огромные изменения. Начиная с 1965 г. создавались первые НХО в наиболее бедных кварталах Манагуа и других городов. В приходе Ригеро возникла община, основанная университетскими студентами, которые готовы были разделить судьбу и тревоги народа вместе с их приходским священником падре Уриелем Молиной.

Эта группа явилась основой для создания Христианского революционного движения, связанного с СФНО. В 1979 г. после победы революции во всей стране насчитывалось примерно 300 НХО.

Некоторые священнослужители под влиянием своих прихожан, участвующих в вооруженной борьбе, проникались революционными идеями. Эрнесто Карденаль, никарагуанский министр культуры, так описывал свой опыт работы в общине Солентинаме: «Мы начали изучать марксизм, привлекли к этому крестьян с других островов, особенно молодежь, и все больше сближались с партизанами, с Фронтом национального освобождения им. Сандино. Все это помогло нам глубже понять, что изначальные христианские истины в своей основе революционны, что в них речь идет о том, что мир разделен на эксплуататоров и эксплуатируемых, что угнетенные возьмут верх над своими угнетателями и тогда воцарится на земле справедливое общество»¹¹.

Процесс включения священнослужителей в революционную борьбу не был легким. Его развитию препятствовали как террор, проводимый сомосовским режимом, так и присущие духовенству антимарксистские предрассудки и иллюзии "мирного разрешения конфликтов". СФНО не только не остался в стороне от дебатов, происходивших среди христиан, но стал настойчиво, умно и тонко проводить политику сближения с ними – политику, основы которой были заложены патриотической деятельностью Сандино.

¹¹ Латинская Америка. 1979. № 2. С. 141.

А. Сомоса (слева) и А. С. Сандино (справа) в феврале 1933 года. Аугусто Сесар Сандино Кальдерон (исп. Augusto Sesar Nicolás Sandino Calderón) – никарагуанский политический деятель, лидер национально-освободительной революционной войны 1927–1934 годов. В результате длительного возглавленного им повстанческого движения, сумел добиться вывода размещенных в стране американских войск (2 января 1933 года), но в ходе очередного раунда переговоров о демобилизации своей армии был предательски арестован руководителем Национальной гвардии Никарагуа, впоследствии президентом страны Анастасио Сомосой и расстрелян вместе с братом и несколькими ближайшими соратниками.

«Генерал свободных людей», возглавивший освободительную войну никарагуанского народа и выступивший против «союза духовенства с американскими банкирами», никогда не преследовал духовных лиц, почитаемых народом, уважал религиозные чувства верующих, хотя и не разделял их.

Карлос Фонсека Амадор (исп. Carlos Fonseca Amador) – никарагуанский революционер, один из основателей и руководителей Сандинистского фронта национального освобождения (СФНО), профессор, теоретик революционного движения.

Карлос Фонсека и другие основатели СФНО отмечали «народную сущность» социального христианства и стремились приобщить верующих к участию в революционном движении. Однако, несмотря на сердечность первых контактов с некоторыми священнослужителями, взаимное недоверие преобладало. Христиане, как вспоминает Томас Борхе, боялись, что мы, сандинисты, «попытаемся использовать веру в бога в политических целях». Руководители СФНО в свою очередь не допускали мысли, что можно пойти дальше временного союза. Обмен мнениями и самое главное – совместная борьба открыли новые горизонты.

В борьбе против тирании многие церкви и помещения общин превратились в активно действующие центры сопротивления и солидарности. В Эстелии НХО были особенно активными в организации восстания. Отец Гаспар Гарсия Лавиана был одним из тех священнослужителей, которые сделали решительный выбор в пользу народа.

Гаспар Гарсия Лавиана – испанский священник, прибывший в качестве миссионера в Никарагуа в 1967 году. Он возглавлял приход в районе Сан-Хуан-дель-Сур. Вступил в ряды бойцов СФНО. «Мартин» – одна из подпольных кличек Лавианы. Сражался против диктатуры около 10 лет.

Говоря об участии христиан в строительстве нового Никарагуа, вице-президент страны Серхио Рамирес добавляет, что «этот союз, который некоторым представляется странным, в новом Никарагуа каждый день подтверждает свою реальность»¹².

Ясно, что странным и противоестественным он представлялся клерикальной реакции, которая стремилась поставить высшую церковную иерархию, оглядывающуюся больше на Вашингтон, чем на Рим, во главе буржуазной оппозиции. Однако эти проекты вызвали всеобщее возмущение народа, в основе своей верующего и одновременно являющегося носителем высшего патриотического, антиимпериалистического и революционного сознания. Страх оказаться обвиненной в соучастии в преступлениях контраст, изолированной от масс и лишенной будущего, заставил церковную верхушку занять более реалистическую позицию.

3

Перед правоконсервативными кругами церкви встали вопросы разработки новой «христианской альтернативы», которая способствовала бы отвлечению масс, прежде всего верующих, от всеобщей освободительной борьбы. Среди других вопросов были такие: как избежать того, что происходит в развитых капиталистических странах, – процессов социальной и культурной секуляризации, падения авторитета церкви; как противостоять политическим движениям, которые выступают за социализм? В документе, подготовленном к проходившей в Парагвае XXI ассамблее СЕЛАМ, говорится: «Мы вступили в новую эпоху, встретившись с новыми

¹² Nicaragua: la nueva frontera. Managua, 1983. P. 22.

ценностями, с новой культурой. Сохранит ли церковь в будущем лишь немногих верующих перед лицом безразличных и враждебных им народных масс, или в условиях новой культуры будет существовать церковь, соответствующая ее принципам и одновременно освещающая ее своим духовным светом?»¹³.

Диего Ривейра. «Карл Маркс указывает путь к будущему». Фрагмент фрески в Национальном дворце Мехико.

¹³ Nicaragua: la nueva frontera. Managua, 1983. P. 22.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.